

Л.Р. Зурабова

**Представления об идентичности
в контексте политической философии
У. Кимлики на примере канадского
мультикультурализма**

В статье отражены представления о формировании и трансформации идентичности членов мультикультурных сообществ. С опорой на положения, разработанные У. Кимликой, автором представлены два политических подхода, реализуемые государством, в частности противопоставляются принцип благожелательного пренебрежения и политика мультикультурализма. Также выделяются аспекты гражданской идентичности, включая права и обязанности гражданина. Теоретические положения подкрепляются примером политики признания, проводимой Канадой.

Ключевые слова: гражданская идентичность; политика мультикультурализма; плавильный котел; Канада.

В условиях междисциплинарности научного знания влияние принципов государственного управления на языковое единство, культурную консолидацию и национальную идентичность представляет интерес для исследования в рамках политической философии. На сегодняшний день «идентичность стала тем универсальным концептом, с помощью которого принято описывать современное общество и его структуру, социальные отношения, коллективные и индивидуальные поиски смысла бытия» [9, с. 5]. В связи с этим данная проблемная область отличается терминологическим плюрализмом. Отметим также взаимодополняемость определений идентичности в соответствии с целями, которые ставят перед собой исследователи, поскольку в зависимости от выбранного типа идентичности определение понятия дополняется теми или иными признаками [8, с. 35]. В самом общем смысле идентичность может быть определена как «соотнесение индивида

с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки» [7, с. 72].

Представим ключевые характеристики идентичности. Философ и социолог П. Рикёр выделяет два проявления идентичности, отмечая их взаимосвязанный характер: идентичность как *одинаковость* (*identité*, от лат. *idem*) и идентичность как *самость* (*ipséité*, от лат. *ipse*). Полнос одинаковости носит неизменный характер, а полюс самости открыт изменениям. Таким образом, подчеркивается дуалистичная природа идентичности, которая, с одной стороны, остается неизменной, а с другой — подвержена трансформациям [6, с. 34]. Двойственность данного явления также отмечается Э. Эриксоном, который выделяет два уровня существования идентичности: *индивидуальный* и *социальный* [7, с. 70–71].

На сегодняшний день идентичность отдельных индивидов и групп формируется, пересматривается и трансформируется в рамках мультикультурного общества. С одной стороны, это связано с тем, что ко второй половине XX в. процент государств с гомогенным этнокультурным и языковым ландшафтом заметно снизился. С другой стороны, как отмечает представитель канадской политической философии У. Кимлика, в данный период в политической философии отрицание культурного плюрализма и узкая концепция гражданства с ограниченным набором прав и характеристик принадлежности стала подвергаться критике [5, с. 413]. В связи с этим в настоящей работе идентичность рассматривается с позиций социально-конструктивистского подхода к ее изучению, в рамках которого ее формирование происходит в процессе коммуникации и взаимодействия. Идентичность в этом случае признается явлением динамичным, меняющимся во времени и в зависимости от переживаемого опыта и социальных условий [1, с. 30–31].

Рассмотрим изменения, которым подвержена идентичность в условиях мультикультурного общества. Представляется необходимым выделить две тенденции, которые можно условно разделить на *внутреннюю* и *внешнюю* по характеру протекания. Внутренняя тенденция характеризуется тем, что различные социальные и этнические группы, пребывая в постоянном контакте в рамках одного общества, подвергаются естественной или искусственной (форсированной) интеграции. В таких условиях коллективы и индивиды вынуждены пересмотреть свое положение в обществе, что провоцирует необходимость «определения своей культурной и цивилизационной идентичности» [Там же, с. 13]. Внешняя тенденция заключается в том, что вследствие активного экономического, политического и культурного взаимодействия стран, а также преобладающего влияния западной культуры происходит пересмотр роли нации-государства и размывание национальной идентичности. В рамках данной тенденции также наблюдается сбой в механизме позиционирования индивида в обществе, поскольку «вся система идентификационных ориентиров... пребывает в состоянии перманентных радикальных преобразований» [1, с. 14], а процесс самоопределения становится менее прозрачным.

Формирование культурной, этнической или языковой идентичности представителя миноритарной группы сопряжено с политикой государства по отношению к данной группе. Как отмечает У. Кимлика, многие либеральные государства придерживаются принципа *благожелательного пренебрежения* (*benign neglect*) по отношению к этнокультурному разнообразию. Данный принцип заключается в проведении политического курса, в рамках которого государство не заинтересовано в установлении официальной культуры, обладающей привилегированным статусом. В связи с этим вопрос этнокультурной идентификации официально игнорируется, поскольку способность граждан к формированию и воспроизводству различных идентичностей выступает в качестве элемента их частной жизни. Отметим, что этот принцип не исключает государственных мер поддержки того или иного языка и культуры, однако для них находятся *нейтральные* основания [5, с. 435].

Примером реализации данного принципа служит политика США, так называемая *модель плавильного котла* (*melting pot*), в котором различные этнокультурные общности объединяются на основе разделения демократических ценностей государства. При этом в США нет официального языка, тем не менее удобство и практичность использования английского языка очевидны, что и выступает нейтральным основанием его использования. Как отмечает философ, данная модель непрозрачна, поскольку в реальности доминирование английского языка связано с коммуникативными сферами его использования, процентным соотношением англофонов, а также законодательными инициативами в области образования и трудоустройства [Там же, с. 437]. Такого рода языковая и институциональная сплоченность на фоне культурного плюрализма определяется У. Кимликой как *социетальная культура* (*societal culture*). Под ней он понимает «культуру, сконцентрированную на определенной территории вокруг общего языка, который используется в большинстве социетальных институтов в школах, СМИ, юридических учреждениях, экономике, управлении и т. д.» [5, с. 478].

Таким образом, философ указывает на то, что даже в либеральных государствах, придерживающихся принципа нарочитого невнимания, по сути, реализуется модель национального строительства на основе определенных языковых и культурных практик. Реализация данной модели заключается в поощрении общего языка, формировании чувства принадлежности и членства в социальных институтах, чья деятельность осуществляется на данном языке, и предоставлении равного доступа к ним. Сюда же отнесем реализацию образовательных программ и разработку требований, выдвигаемых к получению гражданства. Подобные действия направлены на формирование определенной национальной идентичности, которая основывается на участии в социетальной культуре государства [Там же, с. 440].

Основной вопрос, встающий перед нами при изучении данной модели в контексте мультикультурного общества, состоит в том, каким образом описанные усилия по национальному строительству влияют на положение

меньшинств и их идентичность. Отмечается, что основные функции государства, включающие в себя коммуникацию и консультирование, планирование, инвестиционную деятельность, регулирование и реализацию законов осуществляются эффективнее на фоне включенности граждан в общую национальную культуру, так как это способствует взаимопониманию и солидарности в обществе. Таким образом, нациестроительство напрямую связано с расширением понятийного поля гражданства и включением в него социальных прав в целях конструирования национальной идентичности и культуры [Там же, с. 415].

Социальные права предусматривают право на получение «некоторых общих благ через общедоступные институты, функционирующие на общем национальном языке, так, чтобы удовлетворять базовые потребности... создавая общую национальную идентичность» [Там же, с. 416]. Как можно заметить, представленные выше идеи четко сфокусированы на национальной интеграции на базе общих для всех прав, однако данный подход сегодня подвергается критике, в первую очередь потому, что миноритарные этнические, религиозные и языковые группы подвергаются маргинализации и стигматизации. Самоидентификация как члена группы в таком случае провоцирует либо отвержение идеи общей национальной культуры и отрицание интеграции, либо желание получить дифференцированные гражданские права для ликвидации сложившегося правового дисбаланса в пользу представителей меньшинства [5, с. 416]. В контексте Канады к данным группам можно отнести жителей провинции Квебек, отвергающих интеграцию в целях сохранения квебекской франкофонной культуры; вместе с тем коренные народы выступают за наделение их дифференцированными правами, в том числе так называемыми *pre-existing rights*, предполагающими права на язык, культуру, земли и самоуправление, согласно принятым договорам [3, с. 317].

Заметим, что в прошлом культурный плюрализм игнорировался и подавлялся благодаря внедрению стереотипов *типичного* гражданина, обладающего характеристиками представителя доминирующей группы в расовом, этническом, культурном и классовом плане. Сегодня же ранее маргинализованные группы требуют более всеобъемлющей концепции гражданства, которая бы признавала и включала их. В связи с этим отмечается, что традиционную модель гражданства как набора прав на сегодняшний день необходимо дополнить, принимая во внимание культурный плюрализм, характерный для большинства государств, вследствие которого наблюдается неравенство в доступных различным культурным группам правах. Политическая модель, отражающая данную точку зрения, имеет разные названия, среди которых У. Кимлика выделяет *политику идентичности* (*identity politics*), *политику различия* (*politics of difference*) и *политику мультикультурализма* (*multiculturalism*) [5, с. 413].

Одна из особенностей мультикультурализма — признание коллективных прав за этническими и культурными группами, а проведение данного политического курса символизирует официальное признание культурной и языковой

неоднородности той или иной страны. Другая особенность — соблюдение принципа «параллельного сосуществования культур в целях их взаимного обогащения и развития в... русле общей культуры» [2, с. 283]. У. Кимлика подчеркивает, что в гражданском обществе мультикультурализм имеет кардинально преобразующий характер как для меньшинства, так и для большинства. Данный политический курс предполагает, что «и доминирующие и исторически подчиненные группы должны выйти на иной уровень отношений и принять новые концепции дискурса, что... глубоко повлияет на идентичность» [4, с. 75].

Политика мультикультурализма может быть направлена на разные группы населения. Инициативы по отношению к коренным народам и другим национальным меньшинствам отличаются от тех, что направлены на иммигрантов, однако и тот и другой типы нацелены на преодоление исторически сложившейся иерархии и создание более демократичного и справедливого общества. Таким образом, как замечает У. Кимлика, цель мультикультурализма заключается в «строительстве новых общественных и политических отношений для преодоления глубоко укоренившегося неравенства» [Там же].

В гражданственной плоскости самоидентификация индивидов предполагает осознание своей принадлежности к государству и обществу и входит в понятийное поле термина *национальная идентичность*. Однако следует сделать несколько терминологических оговорок. Как отмечает известный российский канадолог А.И. Черкасов, в зарубежных исследованиях для передачи понятия национальности как принадлежности к определенному этносу используется термин *этническая группа*, а в случае определения принадлежности к государству «...понятие “национальность” практически идентично понятию “гражданства”» [10, URL]. В связи с этим уместно выделение гражданской идентичности, которая включает в себя три аспекта гражданства: 1) права и обязанности гражданина по отношению к обществу; 2) доступ к инструментам, позволяющим пользоваться упомянутыми правами, например доступ к судебной системе, системе здравоохранения, образования; 3) национальную принадлежность, определяющую легитимность статуса гражданина страны [11, р. 29–30]. Подчеркнем, что У. Кимлика ссылается на Т.Х. Маршалла, исследовавшего проблемы гражданской принадлежности и прав человека, согласно которому понимание гражданства не ограничивается набором прав и обязанностей, но включает в себя вопросы идентичности. Т.Х. Маршалл поддерживает приведенное выше положение, указывая на влияние таких социальных прав, как образовательные права, на формирование национальной идентичности. Целью обеспечения социальных прав выступает включение и интегрирование прежде исключавшихся групп в общую национальную культуру, что должно привести к укреплению национального единства и лояльности [5, с. 414].

Рассмотрим данные положения в контексте Канады. В 1971 г. премьер-министр П. Трюдо объявил курс на политику мультикультурализма в контексте двуязычия (*policy of multiculturalism within a bilingual framework*), в соответствии с которой более неуместно выделение официальной канадской культуры

на основе двух доминирующих групп (британского и французского происхождения), поскольку «несмотря на то, что имеется два официальных языка, не существует официальной культуры, и ни одна этническая группа не обладает приоритетом по сравнению с какой-либо другой» (здесь и далее перевод и курсив наш. — Л. З.) [12, р. 8545]. П. Трюдо также заметил, что «принадлежность к этнической группе не столь сильно зависит от происхождения или родного языка, сколько от чувства причастности к ней...» [Ibid.].

О канадской гражданской (национальной) идентичности в речи премьер-министра отметим следующее: «Приверженность своей этнической группе не должна умалять более широкой принадлежности к сообществу и стране. В самом деле, мы верим, что культурный плюрализм представляет собой всю суть канадской идентичности. Каждая этническая группа имеет право сохранять и развивать свою культуру и ценности в контексте Канады» [Ibid., р. 8580–8581]. Политика мультикультурализма, оформившаяся в 1970–1980 гг., положила начало новому этапу формирования общеканадской идентичности при поддержке культурного разнообразия этнических меньшинств наравне с продвижением в стране официального двуязычия.

Таким образом, осмысляя идеи политической философии, представленные в работах У. Кимлики, заключим, что отсутствие признания культуры и языка сообщества способствует классовому неравенству, ведущему к экономической и социальной маргинализации группы. В связи с этим в качестве антитезы статусной иерархии, которая может наблюдаться при реализации принципа нарочитого невнимания, выступает политика мультикультурализма (признания), которая заключается в фокусировании на культурных несправедливостях, коренящихся в социальных стереотипах, культурном доминировании, отсутствии позитивного образа миноритарной группы. Решение данной проблемы видится в позитивной переоценке идентичности и культурных продуктов статусной группы, пользующейся меньшим уважением, престижем и почетом в обществе.

Литература

1. Алаудинов А.А. Региональная идентичность — основа формирования общенациональной политической идентичности. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015. 208 с.
2. Алтатов В.М. Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Азбуковник, 2015. 471 с.
3. Зурабова Л.Р. Языковая политика и трансформация идентичности в контексте современных глобализационных процессов // Вопросы гуманитарных наук и управления в сфере образования: сб. науч. ст. по материалам науч.-метод. конф. М.: Книгодел; МГПУ, 2018. С. 312–319.
4. Кимлика У. Взлет и падение мультикультурализма? // Дискурс-Пи. 2013. Т. 10. №. 1–2. С. 71–82.
5. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 592 с.

6. Михайлова С.В. Фемининная идентичность и способы ее объективации в художественном дискурсе XVII века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 236 с.
7. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: РАН. Ин-т языкознания. Рос. акад. лингвистич. наук, 2006. 312 с.
8. Усманова З.И. Квебекская идентичность сквозь призму лингвокультурной парадигмы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 209 с.
9. Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2010. 300 с.
10. Черкасов А.И. Этнокультурная мозаика и межэтнические отношения в Канаде [Электронный ресурс] // Канадский паспорт. 2001. № 2 (29). URL: <http://www.niworld.ru/Statei/cherkasov/n1.htm> (дата обращения: 03.08.2019).
11. Churchill S. Language education, Canadian civic identity and the identities of Canadians. Strasbourg: Council of Europe, 2002. 50 p.
12. House of Commons Debates: third session [Электронный ресурс]. 1971. Vol. 8. P. 8580–8581. URL: <http://www.pier21.ca/research/immigration-history/canadian-multiculturalism-policy-1971> (дата обращения: 05.08.2019).

Literatura

1. Alaudinov A.A. Regional'naya identichnost' — osnova formirovaniya obshhenacional'noj politicheskoy identichnosti. Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya, 2015. 208 s.
2. Alpatov V.M. Yazy'kovaya politika v kontekste sovremenny'x yazy'kovy'x processov. M.: Azbukovnik, 2015. 471 s.
3. Zurabova L.R. Yazy'kovaya politika i transformaciya identichnosti v kontekste sovremenny'x globalizacionny'x processov // Voprosy' gumanitarny'x nauk i upravleniya v sfere obrazovaniya: sb. nauch. st. po materialam nauch.-metod. konf. M.: Knigodel; MGPU, 2018. S. 312–319.
4. Kymlika W. Vzlet i padenie mul'tikul'turalizma? // Diskurs-Pi. 2013. T. 10. №. 1–2. С.71–82.
5. Kymlika W. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie. M.: GU VSHE', 2010. 592 s.
6. Mixajlova S.V. Femininnaya identichnost' i sposoby' ee ob'ektivacii v xudozhestvennom diskurse XVII veka: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012. 236 s.
7. Slovar' sociolingvisticheskix terminov / отв. red. V.Yu. Mixal'chenko. M.: РАН. Ин-т yazy'koznaniya. Ros. akad. lingvistich. nauk, 2006. 312 s.
8. Usmanova Z.I. Kvebekskaya identichnost' skvoz' prizmu lingvokul'turnoj paradigmy': dis. ... kand. filol. nauk. M., 2014. 209 s.
9. Filippova E.I. Territorii identichnosti v sovremennoj Francii. M.: РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2010. 300 с.
10. Cherkasov A.I. E'tnokul'turnaya mozaika i mezhe'tnicheskie otnosheniya v Kanade [E'lektronny'j resurs] // Kanadskij pasport. 2001. № 2 (29). URL: <http://www.niworld.ru/Statei/cherkasov/n1.htm> (data obrashheniya: 03.08.2019).
11. Churchill S. Language education, Canadian civic identity and the identities of Canadians. Strasbourg: Council of Europe, 2002. 50 p.
12. House of Commons Debates: third session [E'lektronny'j resurs]. 1971. Vol. 8. P. 8580–8581. URL: <http://www.pier21.ca/research/immigration-history/canadian-multiculturalism-policy-1971> (дата обращения: 05.08.2019).

L.R. Zurabova

**Identity Politics in W. Kymlicka's Political Philosophy:
the Case of Canadian Multiculturalism**

The paper presents different perspectives on the process of identity formation and transformation in multicultural communities. The author focuses on W. Kymlicka's ideas on identity politics and compares two types of policies implemented by the government — the principle of benign neglect and the policy of multiculturalism. The article highlights integral aspects of civic identity, including the rights and responsibilities of citizens. Using the example of Canada, the author illustrates the effects multicultural policy has on a heterogeneous society.

Keywords: civic identity; policy of multiculturalism; melting pot; Canada.